

Бабочки в животе

Автор:

[Лариса Райт](#)

Бабочки в животе

Лариса Райт

«Лада Пахомова не разводилась. Она разводила. Иногда хотелось все бросить и пойти в мировые судьи, чтобы не выслушивать ежедневно вереницу претензий людей друг к другу. И не переживать. И не сочувствовать. И решений не принимать. Ведь у мировых судей как? Участники процесса в суд явились? Претензий друг к другу не имеют? Ну и славненько. Всем спасибо. Все свободны и от судебных дрызг, и от семейных уз. А Лада – судья высшей категории. К ней отправляют только тех, кто с претензией. У нее без прений сторон, взаимных упреков и дурно пахнущих деталей не обходится практически ни одно заседание...»

Лариса Райт

Бабочки в животе

Лада Пахомова не разводилась. Она разводила. Иногда хотелось все бросить и пойти в мировые судьи, чтобы не выслушивать ежедневно вереницу претензий людей друг к другу. И не переживать. И не сочувствовать. И решений не принимать. Ведь у мировых судей как? Участники процесса в суд явились? Претензий друг к другу не имеют? Ну и славненько. Всем спасибо. Все свободны и от судебных дрызг, и от семейных уз. А Лада – судья высшей категории. К ней отправляют только тех, кто с претензией. У нее без прений сторон, взаимных упреков и дурно пахнущих деталей не обходится практически ни одно заседание.

Иногда девушка жаловалась на жизнь подругам, но те всерьез вялые стоны не воспринимали.

- Ты, Ладка, все равно мировой судья! - заявила как-то Леля Череницкая - лучшая подруга, пребывавшая в совершенно счастливом третьем браке, а два предыдущих закончились зычным ударом Ладиного судейского молотка. - Мировой, в смысле, отличный. Не подъедешь к тебе ни на хромой козе, ни на породистом скакуне. Все у тебя по справедливости, все по закону.

- А что удивительного? - не понимала Лада. - Я же, девочки, в суде работаю.

Ответом служил дружный и еще более непонятный смех:

- Ой, Ладка, ну, уморила!

- Инопланетянка ты наша!

- Забыла, где живешь?

- Ну, знаете, - расстраивалась та, - если всех под одну гребенку... Все эти рассуждения: «У нас все куплено. Сплошная коррупция. Все равно всем платить надо».

- А не надо? - интересовалась Леля.

- Мне нет, - огрызалась Лада. - И я уверена, что таких, как я, еще пруд пруди.

- Нет, дорогая, - выражала подруга общее мнение, - таких, как ты, больше нет.

А Лада удивлялась: что в ней особенного? На носу очки, на затылке пучок, из одежды два брючных костюма. Не сразу, конечно. По сезонам. Зимой черный. Летом серый. Сумки тоже две, а содержимое всегда одинаковое: два кошелька (отдельные для купюр и для мелочи), два очечника (не дай бог, очки разобьются!), две ручки, четыре связки ключей (две от своей квартиры, две от родительской), две пачки болеутоляющих таблеток (если одна заканчивается, паника не отпускает до тех пор, пока девушка не купит следующую - запасную). Мигрень всегда накидывается внезапно и мощно. Не постепенно, по

нарастающей, оставляя шанс подождать, дотянуть, принять меры, а сразу. Хватает в плен и начинает рвать голову на части с яростью раненого зверя. Так что лекарство должно быть всегда наготове. А иначе Лада перестанет быть Ладой. Перепутает истца с ответчиком и присудит кому-нибудь лишнее. Как потом, даже не людям, себе в глаза посмотреть?

Она любит справедливость. А кто ж не любит? Так что нет в ней ничего особенного. И жизнь, кстати, такая же, как у большинства. Дом – работа, работа – дом. С утра – глоток кофе, днем – столовский салат, вечером – наконец праздник живота. Так что костюмы за десять лет практики пару раз все же пришлось поменять. Была сорок шестого размера, сейчас – пятидесятого. Но она не расстраивалась, говорила, что теперь чувствует себя внушительной во всех отношениях.

Иногда уставала от рутины. Тогда тихонько спрашивала сама у себя: «Кутнем?» И отвечала уже уверенней:

– Кутнем!

И тогда от остановки троллейбуса не брела к дому, а заходила в торговый центр, поднималась на второй этаж и там, в ресторанном дворике, покупала сразу два французских круассана. Потом, конечно, сердилась на себя. Внеплановые покупки были непозволительной роскошью и выбивали из колеи. После них сложнее было вернуться к работе. Хотелось вытянуться на диване, открыть банку варенья и, потягивая чаек из любимой глиняной чашки, посмотреть какую-нибудь старую советскую комедию или западную мелодраму типа «Касабланки» или «Английского пациента». Поэтому круассаны случались в основном по пятницам. В другие дни дома еще ждала работа.

Лада любила порядок, а истцы и ответчики, как правило, вносили в процесс хаос своими эмоциями. Поэтому она предпочитала по возможности составлять представление о деле заранее, тщательно изучала материалы и частенько носила копии документов домой, чтобы принять промежуточное решение с абсолютно холодной головой. Конечно, случалось – приходилось менять точку зрения под давлением неопровержимых доказательств, что стороны предъявляли уже по ходу процесса, но тем не менее отказываться от предварительной работы не собиралась. Копаясь в бумагах и вчитываясь в написанное на скупых, черствых листах судьбы, она приучила себя видеть только факты и не обращать внимания на предположения. Для нее, как и для

любого нормального судьи, не существовало слов «возможно», «наверное» или «вероятно». Каждое утверждение согласно букве закона должно быть подкреплено соответствующим документом. Нет документа – нет факта. А нет факта – значит, вы проиграли. И ничего не сделаешь. Лада законопослушна и негибаема.

Она уверена в своей правоте. Если каждый судья начнет руководствоваться в принятии решений симпатиями и антипатиями, судебная система, что и без того имеет весьма шаткое положение в стране, рухнет окончательно. В общем, закон есть закон, и, как бы то ни было, его надо соблюдать. Лада соблюдает. Дорогу переходит только на зеленый свет, не курит в переходах метро (вообще не курит) и не сверлит стены квартиры по воскресеньям. Ну и решения выносит законные. Всегда. Так что судья она действительно мировой. Права Леля. Вот так.

На календаре была среда. Поэтому желание завернуть в торговый центр было безжалостно подавлено. Лада пришла домой, проглотила пельмени и, нацепив очки «для дома» – оправы попроще и подешевле, – углубилась в работу. Через полчаса картина завтрашнего заседания прояснилась. Он – плут и мерзавец. Она – жертва. Он не хочет платить. Она жаждет получить хоть что-то. Но по документам он чист: нет ни машин, ни недвижимости, ни счетов в банке. И зарабатывает – бедный и несчастный глава собственной компании – сущие гроши. История стара как мир. Есть любовь – задушу подарками. Прошла – отдавай все назад и убирайся с чем пришла. Да! И детей своих заberi. Наших? Нет, дорогая, твоих. Мне-то они зачем? Общество, конечно, считает, что такая ситуация ненормальна. Общество осуждает такое поведение, считает его неприемлемым. Общество просто слепое. Люди любят закрывать глаза на проблему, пока не столкнутся с ней лично. Действительно. Какая женщине разница, что Машу, Дашу или Клашу муж ободрал как липку и выставил за порог практически в чем мать родила. Она рассуждает так: «Во-первых, я с этой дамой не знакома. Во-вторых, возможно, она заслужила такого отношения. А в-третьих, меня все это не касается и никогда не коснется».

Ха-ха-ха!

Ладу забавляет подобная узость мышления и зашоренный взгляд. Многолетний опыт копания в чужой грязи заставил понять: к сожалению, уже давно именно такой вариант поведения – нажиться на мероприятии под названием развод – стал нормой, а так, чтобы все пополам, по-дружески, с уважением, – это

исключительный вариант и на ее, Ладином, пути практически не встречающийся. Все верно. Такие дела до нее не доходят. Заканчиваются на пороге мировых судов. Так что бред это все. Нисколечко не права Леля. Лада – судья высшей категории. И вовсе никакой не мировой. Ну, какой может быть мир, если завтра она должна будет объявить истице, что все, что та сможет получить с бывшего мужа, – это двадцать пять процентов от его официальной зарплаты. Денег этих хватит на то, чтобы покормить ребенка неделю, максимум – дней десять. А дальше решай проблемы сама. Почему так несправедливо? Отчего же? Все по закону. Это смотря с какой стороны посмотреть на несправедливость. Если думать только о том, что коварный муженек переписал все имущество на родственников и друзей для того, чтобы оставить бывшую жену несолоно хлебавши, то, конечно, справедливостью и не пахнет. А если вспомнить о том, что каждому воздается по уму, то все очень даже справедливо. Надо было не в облаках витать и дышать одной любовью, а стоять на земле обеими ногами и не жить одним днем (тем, где тебя обожают, боготворят и носят на руках), а задумываться о будущем. С Ладиной точки зрения, отсутствие брачного контракта или совместной собственности на нажитое в браке имущество – верх безалаберности и безответственности. Ну, не надо тебе ничего? Да ради бога! Только о детях будущих подумай. Им-то зачем довольствоваться корочкой хлеба? Но большинство людей, увы, предпочитают не засорять любовь юридическими формальностями. А потом расплачиваются за свою наивность. И Лада, увы, не может, да и не хочет избавлять их от этой расплаты. Не может потому, что закон не изменишь. А не хочет оттого, что знает: за ошибки надо платить, чтобы не допускать их в следующий раз. Вот такое своеобразное обучение населения азам юриспруденции. И с завтрашней истицей она поступит так же.

Лада вернула документы в папку и набрала телефонный номер.

– Валера в командировке, – доложила мама о зяте – муже Ладиной младшей сестры Златы. – Так что у меня сумасшедший дом. – Сестра была полной противоположностью. Младшая не терпела одиночества и не могла и дня обойтись без общения. Стоило любимому мужу уехать на пару дней, Злата хватала детей в охапку и мчалась к родителям спасаться от скучных вечеров и дурных мыслей. Лада отчитывала сестру за несамостоятельность. А та лишь пожимала плечами:

– А что мне делать одной?

– Как же «одной»? А дети?

– Дети? Старшие давно и прочно замкнуты друг на друге. Я им только подай, принеси, убери и дай денег. А Кирюша... ты называешь все эти уси-пусы с младенцем общением?

– А как же иначе? И именно от такого общения, без всяких сомнений, необходим отдых. Детей разложила по кроватям и кайфуешь.

– Лад! А что делать-то?

– Читать, – воодушевленно предложила она. Потом представила себе кислую мину сестры и добавила с неохотой: – Или телевизор смотреть. Там иногда случаются интересные передачи. Кстати, фильм ведь можно глянуть хороший.

– А я фильмы с Валерой смотрю, – жалобно проблеяла сестрица, вся погрязшая в собственном чувстве.

Она, по мнению Лады, – лучший образец современных дурочек, полагающихся в семейной жизни на авось и свято верящих в то, что институт их брака останется нерушимым до конца дней. Уж сколько Лада ни билась, сколько ни объясняла, сколько ни приводила примеров, Златка осталась глуха и слепа. Говорила: «Люблю. Ни в чем не нуждаюсь. Не буду унижать недоверием. Не опущусь до меркантильности». Странно. Почему-то те, кто решает ободрать бывшего супруга как липку, не гнушаются опускаться на порядок ниже этой самой меркантильности. Нет, Лада к шурина никаких претензий пока не имеет. Валера – человек во всех смыслах положительный. Но ведь, как известно, и на старуху... Так что береженого бог бережет. А сестра беречься не хочет. В глаза мужу заглядывает, а в кошелек боится. Троих детей родила, а обеспечить их и не подумала. У самой за душой десять классов, три курса института и нескончаемый декретный отпуск. И мысли о том, что когда-нибудь придется из него выходить, наводят на Злату уныние. Скорее родит следующего ребенка, чем вернется в институт. Почему? Так ведь туда же нельзя пойти вместе с Валерой. А она привыкла все делать вместе. Даже фильмы смотреть. Лада недовольна. Говорит:

– А ты посмотри без него.

Злата удивляется:

- Это как?

Лада сердится:

- С удовольствием, - и бросает трубку. Своей головы не приставишь.

В общем, в командировки Валера отправляется без Златы. И сестра страшно беспокоится: как он там, что он там и с кем? Поэтому и едет к маме. Там ее отвлекают от всепоглощающего, неумного горя.

- Саня с Танечкой дерутся, - докладывает Ладе мама. В трубку доносятся возня и детские крики. На заднем фоне слышен и плач. - У Кирюши режутся зубки, - вздыхает мама.

- А папа? - строго спрашивает дочь. Она встревожена.

Мама снова вздыхает:

- В кабинете.

- Работает? - Тревога ослабевают.

- Нет. Лежит с полотенцем на голове.

- Дай мне Златку. Я ее убью.

- Лада, не кипятись!

- Как это? Сколько можно потакать этим набегам? Она - взрослая женщина и должна понимать, что у вас тоже есть собственные занятия помимо служения ее испорченному настроению из-за отъезда драгоценного Валерочки. У папы, между прочим, процессы, выступления. Ему нужен отдых. А если не отдыхать, так работать он должен в тишине и покое, а не на поле боя.

- Ох, Лада, Лада... - Мама почему-то не проявляет должной солидарности.

- Разве я не права? - Дочь спрашивает, хотя на самом деле в собственной правоте ни капли не сомневается.

- Права. Только, понимаешь, любовь - это такая жертвенная штука...

- ...что жертвовать все время приходится вам с папой. А дочь тоже готова жертвовать. Только не для родителей, а для Валерочки.

- Такова жизнь. Она и для своих детей будет жертвовать. Закон природы.

- Неправильный закон!

- Ну-ну. Это люди, моя дорогая, подчас ошибаются, когда придумывают законы. А в природе все гораздо гармоничнее. Чем сердиться, лучше расскажи, как у тебя?

- Все в порядке, - с удовольствием рапортует Лада. О ней беспокоиться не надо. У нее не случается приступов панической хандры. Она не склонна вешать на родителей свои проблемы и заставлять папу-адвоката вместо работы развлекать трех шумных малышей. А еще всегда знает, чем заняться. Вот, например, сегодня...

- Чем занимаешься? - Мама будто услышала мысли.

- Собираюсь почитать.

- Что-нибудь историческое?

- Ну да. Сегодня же среда.

Такой порядок. По понедельникам - поэзия, по вторникам - философия, по средам - история, по четвергам - иностранный язык. Английский с французским давно освоила. Теперь пытит над итальянским.

– Зачем? – удивляется Злата. – Собираешься осилить труды Цезаря в подлиннике?

– Цезарь писал на латыни. – Лада не злится. Знает та имя Цезаря – и то хорошо.

– А зачем тогда?

– Для саморазвития.

– Поня-я-ятно, – тянет младшая таким тоном, чтобы стало очевидно: непонятно ей ровным счетом ничего.

А Ладе и не надо, чтобы кто-то что-то понимал. Достаточно того, что понимает она сама. Есть раз и навсегда заведенный порядок, и незачем его нарушать. Языки, кстати, и в работе не помешают. Вот пару лет назад разводилась женщина с мужем-французом, так они в суде начали по-французски отношения выяснять. Лада, конечно, и возмутилась, и молоточком постучала, но за те мгновения, что шла перепалка, успела узнать, что за непримиримыми противоречиями, указанными в графе «причина расторжения брака», скрывалась на самом деле привычка жены приводить в супружескую спальню барышень. Супруг был разъярен. Но не самим этим фактом, а тем, что драгоценная женошка оставила его в стороне от этих утех. Она же не оставалась в долгу и кричала (разумеется, по-французски), что не собирается делиться уловом и пусть ловит рыбку в своем пруду. Если бы Лада могла, отправила бы эту буйную пару мириться, но оба требовали развести их окончательно и бесповоротно, что та и сделала, отправив мужа рыбачить на берегах Сены.

В общем, знание языков никому еще не повредило. Лада, кстати, и Челентано любит послушать, и Мирей Матье. А чем плохо понимать, о чем поют любимые артисты? По пятницам у нее как раз вместо чтения в программе музыка. Чаще всего она просто заходит в магазин и покупает какой-нибудь новый диск. А потом слушает дома каждую песню по два раза. Первый раз просто воспринимает мелодию, а во второй уже придирчиво разбирает слова. Если больше чем в половине песен текст отвечает ее представлениям о качественной поэзии, диск занимает почетное место на полке. Нет – отправляется в корзину. Не в мусорную, конечно. А в ту, где ждут своего часа вещи, созданные не для Лады, а для ее сестры, или мамы, или Лели, или еще кого-нибудь менее

привередливого. Иногда ходит на концерты. Но не слишком часто. Во-первых, это дорогое удовольствие. Во-вторых, тяжело найти концерт, на который хотелось бы пойти. И в-третьих, это замечательное событие должно выпасть на пятницу. Других вариантов нет.

По субботам уборка. А после Лада, как выжатый лимон. Иногда Леля зовет «прошвырнуться». Но подруга чаще отказывается, чем соглашается. Отнекивается, говорит:

- Устала.

- Где пахала?

- Дома. Убиралась.

- Подумаешь, пылесосом да тряпкой пройтись, - фыркает обычно та, но уговаривать не пытается. Знает - ничего не получится. Лада решений не меняет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rayt_larisa/babochki-v-zhivote

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)